

НАФТАЛИНОМ И НЕ ПАХНЕТ!

Моск. опера. — 1998. — 4 дек. — с. 11.

"Московская оперетта" отметила 70-летие со дня рождения. Накануне этого радостного для театра события мы встретились с его директором Владимиром ТАРТАКОВСКИМ.

— Владимир Исидорович, 70 лет не такая уж юбилейная дата. Признаться, хочется как-то обратить на себя внимание в этой нескончаемой череде московских театральных юбилеев?

— 70 лет полнокровной творческой жизни, прямо скажем, не последнего театра страны, на мой взгляд, достаточно весомый повод, чтобы устроить праздник для артистов и их поклонников. При мне театр праздновал и 50, и 60 лет. В правительстве сказали: дата — это когда 100 лет исполняется. Ну что нам ждать еще 30 лет, что ли? Нас тогда уже не будет. Есть еще одна причина — реконструкция, как раз решается вопрос. Возможно, мы на несколько лет вообще уедем из этого здания. И может так случиться, что в 75 лет мы не успеем сюда вернуться.

— Кстати, общественность очень волнует вопрос о сохранении этого исторического здания на Большой Дмитровке. Поговаривают, что его хотят снести. Подтвердите или опровергните эти слухи.

— Тогда придется немножко углубиться в историю. Его построили наспех, всего за полтора года — в связи с приездом царя в первопрестольную. Заложили фундаменты, которые не соответствуют (что подтверждают специалисты) слабой почве этого места, ведь под нами Неглинка. Задняя стена театра отошла на несколько сантиметров, окружающие нас здания, входящие в комплекс театра, в плохом состоянии. В связи со строительством филиала Большого мы также пострадали — пошли трещины по всему зданию. Стало ясно, что косметическим ремонтом не отделаться. И честно говоря, лично я приветствовал бы решение о сносе этого здания. Объясню почему.

Для нормального функционирования современного театра оно малоприспособлено — у сцены нет ни одного "кармана", нет помещения для хранения декораций. Мы не получаем ничего даже в результате обычной реконструкции. Просто нет места, оно втиснуто так, что ни сантиметра лишней площади нет ни с какой стороны. Архитекторы предложили вариант смещения зала левее, в результате чего мы получаем нужные площади. Единст-

венное, что останавливало бы от этого, — это красивейший и один из немногих в Москве — большой — зал. Например, по количеству мест мы даже опережаем Большой театр. Обидно, правда, что, когда наш театр въехал сюда в 1964 году, акустика зала уже была неважная, сейчас она еще хуже.

— Но ведь здесь же работал филиал Большого театра...

— Да, но потом делался ремонт, в результате которого мы имеем зал с акустическими провалами в партере. Даже в бельэтаже она лучше.

— То есть вы настаиваете на том, что снести здание и выстроить новое — самый разумный выход. Но ведь здесь пел Шаляпин...

— Если есть возможность добиться того, что нужно театру без радикальных мер, я приветствовал бы этот вариант. Да, эта сцена, когда здесь была Частная опера Зимина, видела выдающихся певцов. Когда-то в охране памятников нам говорили, что здание уникально, так как здесь выступал Ленин. Но они забыли, что здесь творили и творят уникальные артисты оперетты, составившие славу нашего искусства. И вообще любой хороший артист является достоянием, и нынешнее поколение артистов также представляет культурную ценность. Почему они не должны работать в нормальных условиях?

Творчески мы замкнуты на один большой зал. Значит, камерные спектакли, например ставшие уже классикой "Женихи" Дунаевского, с которых, кстати, начинался наш театр, мы вынуждены показывать на большой сцене.

Она как нельзя подходит для классической венской оперетты, но мы же не можем замыкаться только на ней. Театр должен экспериментировать, развиваться — иначе прокроется пылью. Я уж не говорю о том, что нет ни гримуборных порядочных, ни репетиционных помещений...

— Не юбилейный разговор у нас получается...

— Что же делать. У нас "островной" вариант театра — некуда нам развиваться. Вверх нельзя — только

вглубь. А это значит: надо освободить площадку и рыть землю вниз. Тем более что от здания, повторяю, остался только прекрасный с эстетической точки зрения зал, хотя ремонты и нанесли ему существенный ущерб. Но зал вполне можно восстановить в первоизданном виде. Возможно, реконструкция — дело ближайшего времени, город готов взять ее на себя. Но куда нас деть на это время? Выдвигалась идея переселить нас в филиал МХАТа на улице Москвина, но и там реконструкция не закончена, и когда Госкомимущество передаст его на баланс Москомимущества, тогда этот вопрос будет решен. Там очень хороший зал, вполне нам подошел бы.

— Оставим эту трудную тему, Владимир Исидорович, расскажите, чем встречаете 70-летие?

— Так совпало, что "Московская оперетта" празднует два юбилея: театра и нашей прима — Татьяны Ивановны Шмыги, к дню рождения которой готовится новый спектакль. К сожалению, она заболела, и премьеру пришлось перенести на декабрь. Однако все последние наши премьеры так или иначе готовились к 70-летию. Если учесть, что мы можем ставить два спектакля в год, то выпущенные в конце прошлого сезона "Мирандолина" и "Холопка" как раз поставлены к юбилею.

— Как-то тихо прошла премьера "Холопки", ругательных рецензий что-то не было...

— А что ругать-то? Солидный и красивый спектакль получился, изумительные костюмы, много балета — зрителям нравится. Ведь это Николай Стрельни-

ков, а значит, прекрасная музыка, да и литературная основа крепкая: драматургическая нагрузка серьезнее, чем обычно бывает в опереттах.

— И все же театр делает ставку на классику. Не боитесь нафталином пропахнуть?

— В последних наших спектаклях — "Веселой вдове", той же "Холопке" — нафталина уж точно нет. Между прочим, именно зритель выбирает классику: на "Королеве чардаша", которая уже пятнадцать лет на сцене, — вечный аншлаг. Удивительно, но артисты с Бродвея млеют от нашей оперетты. И все же мы стараемся классическую оперетту продвинуть немножко в сторону мюзикла в плане танца, вокала и их взаимосвязи. А какая нагрузка при этом ложится на исполнителей!

— Поэтому и радиомикрофончики появились?

— Да, тогда возможности построения мизансцен не ограничены — солист может петь с любого места, не обязательно выходя на авансцену петь арию, что сегодня смотрится неким анахронизмом.

Мне кажется, нынешняя труппа театра может себе позволить любой музыкальный жанр. Но коль сегодня нас "кормит" классическая оперетта — делаем ставку на нее. Замечательный спектакль у нас есть — современный мюзикл "Сибирские янки", зрители его любят. Но все же, если в афише "Граф Люксембург", "Принцесса цирка" или "Летучая мышь" — зал на две тысячи мест заполнен до отказа. Когда у нас в репертуаре будет столько классики, что мы сможем быть финансово независимыми, тогда мы можем себе позволить любое "хулиганство". А если будет малая сцена, возможны вообще всякие эксперименты.

— Сегодня ваша молодежь, что называется, "подпирает" среднее поколение. Закулисные интриги вас не беспокоят?

— В театре соперничество должно быть обязательно. Вопрос в том, как оно выражается. Если в нормальной работе — замечательно; если в склоках... то у нас такого нет или почти нет. Был в театре такой период, когда образовался некий вакуум в героях, героинях — пришлось стремительно вводить молодых, еще неопытных дебютантов. Успешно справлялись, между прочим, и сейчас являются гордостью нашей сцены. Жанна Жердер, Лена Зайцева, Лена Ионова, Лена Сошникова, Сережа Алимпиев, Слава Иванов сразу начали с больших ролей и вволю тянут репертуар. Сейчас пришли совсем молоденькие, им будет сложнее добиваться главных ролей, значит, будут набирать очки на маленьких.

— Сколько сейчас в театре людей?

— Только солистов 70 человек, а включая оркестр, хор, балет, различные службы — почти 700. На мой взгляд, сейчас театр находится в хорошей творческой и физической форме. Вот нам не дают денег на постановку, но мы все же как-то держимся, даже премьеру готовим. Беспокоит другое. Если финансирование не наладится, каждый будет пытаться заработать на стороне, и мы постепенно начнем терять людей. Сначала уйдут рабочие сцены, бутафоры, реквизиторы...

— Ходят слухи, что у вас давно уже проблема с режиссерами?

— Да у всех сейчас режиссерский дефицит, но у нас своя специфика по сравнению с обычными драматическими театрами. В оперетте у режиссера большая власть сосредотачивается, и деньги — громадные деньги — тратятся под его "идею". Поэтому рисковать, приглашая разных режиссеров, еще не очень-то проявивших себя, не хочется. В драматических театрах вкладываются совсем другие деньги и совсем другие усилия. Сколько раз бывало, что "видение" режиссера прекрасно, а спектакль — ужасен. Одно дело рассказать, другое — сделать. Если у нас наш Игорь Сергеевич Барабашев ставит "Веселую вдову", то я знаю, что может быть чуть лучше, чуть хуже, но никак не ниже определенного уровня. Он знает жанр изнутри, знает традиции. Или главный режиссер Екатеринбургского театра оперетты Кирилл Стрежнев поставил "Холопку". Ясно, что будет уровень. Спектакль обошелся нам почти в 300 тысяч долларов. Для обычного театра — немислимые деньги, можно три премьеры на них выпустить. А для нас обычные цифры, ведь оперетта не может быть убогой. Разве тут рискнешь? Мы хотели бы пригласить режиссеров с именами — Бородина, Захарова, Фокина, которые с музыкой "на ты", и материал подходящий был. Но эти не очень-то хотят ставить у нас — сложно справиться с такой машиной...

— Вернемся все же от проблем к вашему празднику...

— Праздник чем хорош? Подарками. Я придерживаюсь такого мнения, что лучше уж к дате "пройти" по всем хорошим артистам и выдвинуть на звание и награды, чем годами цедить по одному. Еще хороший подарок от правительства Москвы: бесплатное жилье для наших молодых артистов, которые лидируют в театре, а до сих пор мучились в общежитиях. Денег, правда, не дали, но мы из внутренних резервов "наскребли" коллективу на премию. Хочется ведь, чтобы все было как следует.

Ирина ШВЕДОВА.